

столь рознящиеся друг от друга части, из которых только одна воспроизводит полюбившуюся ему форму?

Правдоподобно ли, кроме того, что Мономах сначала сделал общее поучение, а потом рассказал свою жизнь, а не поступил наоборот? Ведь именно собственно «Почтение» и должно было быть итогом и заключением правдивого рассказа о своей жизни. Так, вопрос об объеме текста Мономахова «Почтения» в конечном счете сводится к вопросу о форме памятника. Естественно, что в решении этого вопроса наибольшую, если не единственную роль, при отсутствии других данных, может сыграть литературная аналогия или разыскание непосредственных источников произведения. И хотя в поисках тех и других сделано уже очень много, но все эти параллели не убеждают именно потому, что вопрос о форме памятника редко ставился во всей его остроте. До сих пор не условились, чем собственно является «Почтение» — поучением ли, завещанием, автобиографией или даже дневником? В зависимости от того, как будет решен этот вопрос, мы и сможем судить о том, какая из его двух частей первичнее по замыслу или по написанию, и также о том — в какой группе источников легче подыскать ему наиболее близкую аналогию.

Большинство исследователей склонны были в «Почтении» Мономаха видеть его завещание. Уже первый издатель его А. Мусин-Пушкин придерживался именно такого мнения. Заглавие его издания: «Духовная великая князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи суздальской Почтение» (СПб. 1793). «Завещанием детям» называет памятник и Ивакин (стр. 7). С такой точки зрения и возможно было сопоставление «Почтения» с «заветами» патриарха Иуды. М. П. Погодин предпочитал поучение называть «автобиографией»,¹ А. А. Шахматову же представлялось, что «здесь мы имеем перед собою скорее не поучение, а Дневник Мономаха, его летопись».² Не предрешая окончательное решение этого вопроса, хочется обратить внимание еще на один факт. Случайно ли заглавие («Почтение»), присвоенное произведению в летописной его редакции? Ведь сам автор называет его также грамотицей. Произвольный ли это домысел переписчика или лишнее указание на искусственное объединение различных по своему назначению произведений? По некоторым данным мы вправе думать, что и сам Мономах употребил, по крайней мере дважды,

¹ М. Погодин. Образование и грамотность в древнем периоде русской истории. ЖМНП, 1871, январь, стр. 28.

² См. изложение доклада А. А. Шахматова в Археол. изв. и заметках, 1897, № 1, стр. 88—89.